

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ПОСЛЕДНИЙ
ДОВОД



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Последний довод

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Последний довод / С. В. Самаров — «Автор», 2016 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-86856-8

Выйдя в запас, комбат ГРУ Владимир Царьгорохов возвращается на родину, к родителям, в украинское село. Там же оказывается и его бывший подчиненный сержант Павел Волоколамов. Сослуживцы с удивлением узнают, что уже долгое время округу терроризирует банда молодчиков из «Правого сектора». Не в силах мириться с таким положением, спецназовцы вступают в схватку с нацистами и расправляются с ними. Вскоре на связь с Владимиром выходит его бывший начальник и просит организовать защиту района от боевиков, отступающих из-под Донецка. Но в распоряжении комбата лишь горстка местных ополченцев... Надеяться по-прежнему приходится только на свою выучку и боевой опыт.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86856-8

© Самаров С. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	19
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

Последний довод

*Светлой памяти майора в отставке В.В. Царедворова
посвящается*
Автор

© Самаров С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

Март – апрель 2014 года

Нет – хрен вам! – ползать я не разучился!

Конечно, былые навыки частично потерял, сознаюсь, и внезапно подступившую усталость научился чувствовать, как-никак мне тридцать восемь лет, а не двадцать пять. Но тем не менее характер у меня остался прежний, воспитанный за двадцать два года службы в спецназе ГРУ, плюс годы учебы в знаменитой девятой роте Рязанского воздушно-десантного училища¹. В этот же срок входят годы учебы в Военно-дипломатической академии. Там, конечно, ползать много не приходилось, тем не менее поддерживать боевую форму требовалось. Для этого немалую роль играл характер человека, и мой, воспитанный академией, характер умел перебарывать любую усталость, любые нагрузки и преодолевать любые преграды. А самое главное, умел перешагивать через сакральное «не могу». Характер – как острый нож, заточенный под конкретное дело. А сейчас мое дело было предельно конкретным.

Пашка там, в подвале... Эта мысль не выходила из головы.

И там он во многом по моей косвенной вине. Ведь именно я увел его когда-то из тихого спокойного села с красивым названием Пригожее, помог получить российское гражданство и поступить на службу в мой батальон контрактником разведроты. Женится и сына завел он, правда, без моей помощи. Но с моей помощью получил квартиру. Пашка Волоколамов – сын моего друга детства. Приглашая его в Россию, действовал я, естественно, с наилучшими намерениями и никак не мог предвидеть того, во что все это может вылиться. А вылилось в большой серьезный конфликт, причем как раз тогда, когда я закончил свою службу и по состоянию здоровья был отправлен на пенсию. Пашка Волоколамов оставался служить. В том же батальоне, который я, перестав быть комбатом, передал своему лучшему командиру роты, занявшему мою должность по моей же рекомендации. И в отпуск на родину Волоколамов поехал вместе со мной. В одном поезде. Только он в плацкартном вагоне, а я в купейном. Но это значения не имело.

Я полз... Полз, с удовлетворением понимая, что я сам себя не слышу. Это означало, что ползать я полностью не разучился, хотя давно уже не приходилось применять свои былые навыки.

Сейчас мне требовалось неслышимым и невидимым преодолеть полста метров. Я знал, что там, у входа в погреб, стоит вооруженный часовой, и мне никак нельзя допустить оплошность и выдать себя каким-то неловким движением. Часовой, без сомнения, применит оружие, хотя у меня с собой оружия нет. Я даже наградной пистолет в отпуск не взял. Он остался дома, в сейфе. Просто не думал, что он может понадобиться. Но я могу и без оружия обойтись, ведь я сам – человек-оружие. Мои руки натренированы для нанесения убийственных ударов. При этом я, согласно системе обучения спецназа ГРУ, способен превратить в оружие все, что попадется под руку, – и палку, и яблоко, что подобрал по дороге. По той дороге, по которой сейчас полз. А она пролегла через кусты в чужих садах и огородах. Хорошо еще, что собак в селе мало, иначе мне пришлось бы тяжелее.

Палка очень желала хрустнуть под чьей-то наступившей на нее ногой. Она толстая, около трех с половиной сантиметров в диаметре и длиной в полметра. Промокшая и тяжелая, в руке

¹ Девятая рота Рязанского воздушно-десантного училища до открытия отдельного факультета спецназа в общевоинском училище в Новосибирске было единственным учебным подразделением, готовившим офицеров для спецназа ГРУ. (Здесь и далее прим. автора.)

держалась плотно, словно была приспособлена специально для моей ладони. А откуда взялось яблоко... Когда я полз, то неожиданно наткнулся на ящик из-под яблок. Тоненькие дощечки, сбитые умышленно с большими щелями для вентиляции. В таких обычно яблоки возят в магазины. Их, видимо, куда-то высыпали, но одно застряло, а когда ящик выбрасывали, выкатилось. Я и подобрал...

Рядом был только один дом в периметре из штакетного забора. Я не стал покидать садовые кусты, просто выпрямился и посмотрел издали в освещенное окно. Там, в комнате, за столом сидели трое парней в камуфлированной одежде. Из *тех* самых, *пришлых*... На столе стояла бутылка водки, стаканы. Наверное, и закуска была. Парни о чем-то разговаривали. До меня их слова не доносились. Один сильно жестикулировал обеими руками, кажется, что-то доказывал, но мне это было неинтересно.

На улице стоял март. Самый конец первого месяца весны. Вторые рамы из окон большинство местных жителей еще не снимало, до лета, считалось, еще далеко, и погода может резко измениться. Пока же было тепло. Снег в этих почти южных краях стаял, земля подсыхала интенсивно, зеленая трава полезла в рост. Скоро должны зацвести яблони и вишни. Пока же люди едят импортные яблоки, то ли молдавские, то ли турецкие. Странно только, что берут яблоки ящиками. Как-то у нас в селе это было не принято. У нас у всех своих до весны хватает. Сразу стало понятно, что яблоки взяли приезжие. *Эти*... И взгляд в освещенное окно подтвердил мое мнение. В этом доме остановились *они*...

Мне уже говорила мама, что наглые парни из «Правого сектора» приходят в сельский магазин, берут все, что хочется или до чего дотянутся их татуированные руки, и уходят, никогда не расплачиваясь. И никто им не смеет слова сказать, потому что в ответ в возмущенные губы даже старухам летит жесткий приклад автомата. И милиция, в которую продавец и хозяйка магазина обращались, возразить не смеет. Она их боится и всячески старается угодить. В селе всего три милиционера. Амирхан Шихран, крымский татарин, – старший лейтенант, участковый, и с ним два сержанта. Я сам это видел. Шихрана еще мальчишкой помню, дружил в детстве с его отцом. Харис был старше меня на три года и запомнился мне совсем не таким, каким показался его сын. Он был, конечно, слегка бесшабашным, готовым порой влезть в любую авантюру, лишь бы ему это было интересно, бескомпромиссным и, главное, правдивым. Не спускал обиду даже старшим мальчишкам. И за своих верных друзей, меня и Ваську Волоколамова, отца старшего сержанта Паши Волоколамова, лез в драку с кем угодно, даже со взрослыми, как нам тогда казалось, парнями-старшеклассниками. Ни на что не смотрел и никого не боялся. Амирхан – другой. О семье заботится. О своих шестерых детях. И понимает, что такое «Правый сектор». Ни разу их бандитами не назвал. Даже за глаза. Чтобы кто-нибудь не передал. *Они* обрели силу там, в Киеве, на своем майдане. Почувствовали ее и желали наслаждаться внезапно свалившейся на неумные головы властью до бесконечности. Не понимают, что человеческая жизнь не бесконечна и их власть завершится вместе с их жизнью, как завершается каждая власть.

Яблоко, подобранное с земли, я забрал с собой. Не для закуски, понятно. Я во время работы, а я именно работал, никогда ничего подобного себе не позволяю. Поскольку давно уже знаю, что жующий что-то человек превращается в поющего на весеннем току глухаря. Когда глухарь поет, у него закрываются барабанные перепонки. Когда человек что-то жует, барабанные перепонки позволяют слышать только собственнолично производимые звуки. Особенно если жует что-то хрустящее. Яблоко, например. И потому жевать яблоко я не собирался, но решил использовать его, возможно, как оружие, хотя сразу и не придумал, каким образом. Но я много раз говорил своим солдатам, еще в ту пору, когда командовал батальоном, что в руках бойца спецназа ГРУ даже яблоко может стать оружием. Если говорил, значит, должен это доказать. А как доказать – это подскажут обстоятельства.

Я полз, зажав в одной руке яблоко, в другой – палку. Осталось преодолеть совсем небольшое расстояние. И чувствовал, как подступает из глубины души желание – хотелось забыть об осторожности, хотелось это расстояние преодолеть в несколько стремительных и длинных скачков... Но для чего? Преодолеть и нарваться на автоматную очередь? Ради чего тогда старался, ради чего уже столько прополз незамеченным? Причем в одном месте полз я совсем рядом с десятком вооруженных людей, буквально в трех шагах от них. Они ничего не слышали и не видели. Я был для них духом ночи, растворившимся в темноте. Люди загрузились в два больших внедорожника и уехали. Как я понял, поехали они в ближайшую к нашему селу деревню. Хотели кого-то, как я слышал, «потрясти». Но у меня не было возможности помешать им. Будь у меня хотя бы пара гранат, я сумел бы забросить их в машины перед тем, как они отъедут. Но у меня гранат не было. И даже палки в руках к тому моменту еще не было. Ее я нашел позже.

Я полз... Забор-штaketник вырос передо мной ожидаемой преградой. Я замер, прислушался. Где-то не слишком далеко двое вели разговор. Потом третий голос вмешался. Но коротко, только на мгновение. Голоса приближались, нарушая тишину скромного села Пригожее, но это нисколько их не смущало. Они считали себя здесь *хозяевами*. В каждом доме, в каждом дворе вели себя как хозяева. Правда, в дом к моим родителям они еще не заходили, и потому я знал обо всем только с чужих слов. Но со слов простых людей, которые не стали бы врать.

Эти, с позволения сказать, люди приехали из Харькова. Сначала из Киева наведались в Харьков, там, как говорили, «навели порядок», потом поехали по области. Тем же *делом* заниматься. Наш Барвенковский район располагался на самой границе с Донецкой областью и назывался этими пришлыми людьми неблагонадежным, как и весь Донбасс, к которому иногда относили и прилегающие районы областей, граничащих с Донецкой или Луганской областями. И именно сюда, где «неблагонадежно», эти вооруженные люди и приехали устанавливать *порядок*. Свой порядок. Такой, каким он им виделся. Наверное, точно так же вели себя во время войны немецкие фашисты. Те тоже мечтали установить на нашей земле *свой* порядок. *Эти* от фашистов мало чем отличались. И даже символика у них была близкая. И порядки близкие.

К встрече со штaketником я был готов. Я уже преодолел такой же в четырех местах. Просто – одним скачком. Руки на штaketник, как на опору, проверка прочности, резкий толчок двумя ногами, и я уже на другой стороне. Но этот, последний, что располагался рядом со зданием бывшей начальной школы, сейчас используемой этими приезжими бандитами, следовало преодолевать особенно осторожно, потому что в пяти шагах от штaketника прогуливался часовой с автоматом на груди. Бывшая начальная школа имела под зданием подвал, где располагалась котельная. Это был самый большой подвал в селе, и именно его выбрали бандиты для того, чтобы содержать там людей, которых они, как сказали, задержали как неблагонадежных. Задержали в том числе и приехавшего к родителям в отпуск Пашу Волоколамова, старшего сержанта контрактной службы спецназа ГРУ. Обвинили его в шпионаже в пользу России и задержали. Он же действующий военнослужащий российской военной разведки. Кто-то на Пашу показал. На меня, офицера на пенсии, не показали, а на него показали. А ведь я его бывший комбат! Даже если бы не я увез Пашу с собой, даже если бы не я пригласил его на службу в свой батальон, я все равно обязан был вытащить его из этой передраги. Пусть это был бы вообще незнакомый мне старший сержант, служащий в другой бригаде спецназа, я все равно обязан был освободить его – это даже не обсуждается. А Паша Волоколамов со мной в командировки на Северный Кавказ ездил. Я его в составе взвода в бой отправлял. Как же его бросить!

Голоса приблизились, но стали глуше. Зато шаги я слышал четко. Они шлепали ногами, как гуси лапами, ставя ногу сразу на всю подошву. Не знаю, чем это вызвано, но я уже давно заметил – это частая походка среди людей, взявших, не имея на это права, в руки оружие. Я

подобное замечал еще на Северном Кавказе, куда несколько раз ездил в командировку, возглавляя сводные отряды спецназа ГРУ. Наверное, оружие в руках придает людям некую уверенность в себе. Излишнюю уверенность. Неоправданно излишнюю. И это как-то связано с походкой. Сами эти люди не ощущают, что походка их смешна и уродлива, как и вся поза при такой походке. Обычно вытягивается шея, голова неестественно подается вперед, и все тело, как у настоящего гуся, начинает раскачиваться в стороны.

«Гуси» шли прямо к часовому. Вовремя. Я, грешным делом, предполагал, что мне придется полежать на прохладной земле, дожидаясь смены часового, а это не очень приятно. Земля в марте еще не прогрета солнцем, так и простыть недолго. Тем более мне, имеющему не только три ранения, но и две контузии. Одна из контузий как раз в области крестца, и заработать радикулит, лежа на холодной земле, очень легко. Но некие высшие силы обо мне позаботились и привели смену часового как раз к моменту моего прибытия к штакетнику.

Теперь я должен продемонстрировать свою, грубо говоря, боевую технику. Я готов к такой демонстрации. Дожидаюсь момента, когда смена приблизится к часовому и заведет разговор. Дождался. Яблоко и палка летят за штакетник. Мягко, без стука. Я, прикрытый с той стороны кустами, выпрямляюсь, ловлю момент, когда разговор будет самым, на мой взгляд, оживленным, кладу руки на штакетник, пробую его крепость, толкаюсь – прыжок, мягкое приземление, и вот я уже на той стороне. И снова у меня в руках яблоко и палка. Меня никто не услышал и не увидел...

Что такое «дело техники» – понять несложно. Только не следует думать, что техника – это обязательно бульдозер или экскаватор, в худшем случае легковая машина или даже самокат. Существует техника передвижения человека, нанесения удара. Существует даже техника мышления.

Для меня все остальное стало именно «делом техники».

Понизу кусты не такие густые, как поверху, поэтому я лег на землю и подполз к месту, где происходит смена часового, практически вплотную. Нас разделяли только кусты, под которыми я и лежал. Если поднять голову, я ничего не увижу, настолько крона кустов плотная. А так, понизу, – вижу ноги четверых людей и разговор их слышу. Но он – ни о чем. Одни грубоватые реплики и подколы... Кто-то из пришедших яблоком хрустел, а потом огрызок полетел в сторону и чуть в меня не попал. Я слегка обиделся, но яблоко подсказало, что за люди сидят в том доме, мимо которого я пробирался через двор. Это караул, оставленный другими бандитами, уехавшими в соседнюю деревню. Я в окно видел как раз троих. Они и пришли к подвалу с пленниками, видимо, поочередно караулить планируют. Так им, наверное, приказали, и они стараются выполнить приказ.

Если только я позволю его выполнить. А я настроился так, что не позволю!

Мало того что мне активно не нравится, когда в мою сторону огрызками яблок бросаются, мне еще и не нравится, когда людей, с мнением вооруженной силы не согласных, хватают, бьют и закрывают в подвале. Это следует пресекать в корне.

Трое ушли, неторопливо зашлепав своими «гусиными» лапами. Часовой остался. Свеженький. Я оперся ладонями о землю, отжался. В ладонь мне больно уперся острый камушек, и ему сразу нашлось применение. Как только стихли вдали «гусиные» шаги, я взял камушек и бросил его через крышу за угол дома, так, чтобы он на металл крыши за углом попал, а потом скатился. Камушек звонко стукнулся, задел крышу и скатился тоже не беззвучно. Часовой мгновенно среагировал на звук, поднял перед собой автомат и, не опустив предохранитель в боевое положение, вытянув вперед голову, зашлепал в сторону звука.

А я нашел применение яблоку, бросив его туда, где только что стоял часовой. А он обошел вокруг дома, и я услышал, как он шипит:

– Кис-с-с... Кис-с-с...

Видимо, решил, что звук раздался по вине какой-то кошки, и вернулся на свое место. Туда, где был вход в подвал. Яблоко часовой увидел сразу, удивился, посмотрел в ту сторону, куда ушли его товарищи, потом наклонился, поднял его, протер руками, даже понюхал. А когда выпрямился, перед ним уже стоял я. Стоял и улыбался.

– Ты... – растерялся часовой. – Ты кто?

Мой камуфлированный костюм ввел его в заблуждение, но оружия в моих руках он не увидел. Палку за оружие часовой не посчитал.

– Привет... – сказал я как можно мягче. – Я – Последний довод...

– Привет... – испуганно и почти шепотом ответил часовой.

И я тут же нанес ему палкой резкий и сильный колющий удар под основание носа. При ударе в челюсть передавливаются определенные нервы, и на какое-то мгновение прекращается подача крови к мозгу – человек теряет сознание, но потом часто помнит, что с ним произошло, особенно если видел сам момент удара. Он осел мне под ноги, а я одной рукой схватил его за затылок, второй за челюсть, шагнул ему за спину и резко дернул челюсть влево. Звучно хрустнул шейный позвонок. С бандитом было покончено.

Однако радоваться было рано. Я обыскал карманы часового и не нашел в них ключи. А замок на двери висел солидный, руками его не сломать. Портить автомат, используя ствол вместо ломика, тоже не хотелось. Я рассчитывал, что автомат этот еще может пригодиться. Или мне, или старшему сержанту контрактной службы Волоколамову. Но не зря говорят, что детская память – самая цепкая. Когда-то я сам ходил в эту начальную школу и запомнил, где висел пожарный щит. Помимо пожарных ведер, там должно быть и еще что-то. Обежав школу, я нашел пожарный щит и вытащил из него лом. Такого инструмента замок, естественно, не выдержал, сломался при первом же нажиме. Я распахнул дверь, достал из кармана фонарик, подсвечивая себе под ноги, спустился по лестнице, не забыв взять с собой лом и повесить на плечо ремень автомата часового. И не зря. По крайней мере, не зря захватил лом. Сама котельная, расположенная справа, была пуста. Но по левой стене было несколько дверей, на которых висели замки – помещения использовались как сараи для всякого хлама, который выбросить иногда бывает просто жалко, а использовать по назначению уже невозможно.

– Паша! Волоколамов! – позвал я достаточно громко, надеясь, что наверху меня не услышат.

– Здесь я, товарищ подполковник... – раздалось откуда-то из конца коридора.

– Где? – Я двинулся на голос и легко нашел нужную дверь. Паша начал легонько постукивать по ней кулаком.

Замок оказался не более крепким, чем на входной двери.

– Я ждал, что вы придете, товарищ подполковник... – пытаюсь улыбнуться, признался Паша.

– А как иначе... Пойдем, – сказал я, разглядывая под лучом фонарика распухший нос Волоколамова. Кто-то основательно по нему приложился, не иначе как долго каблуком давил. – Ты один?

– Дядь Коля! – позвал старший сержант в глубину темной комнаты. – Гони отсюда, не то завтра расстреляют!

Из комнаты вывалился, пошатываясь, наш сельский штатный пьяница дядя Коля. Он, как мне уже рассказывали, сцепился без повода с приезжими из «Правого сектора» в магазине. Не понравились они ему. Дядя Коля любит к кому-нибудь придраться уже после первого стакана и потому часто бывает бит. Но сейчас лицо его представляло собой такую страшную картину, что я быстро перевел фонарик на другие двери.

– Здесь еще пять человек... – объяснил Паша.

Я протянул ему лом, а сам продолжал светить. Замки начали падать один за другим...

Все пленники собрались у выхода рядом с телом часового.

– Куда ж теперь? – испуганно спросил один, которого я не узнал. – Перестреляют нас завтра. Опять сюда соберут и перестреляют. Прямо в подвале.

– Дуйте все в Донецк... – единственное, что смог я посоветовать. – Вас бы и так перестреляли, чтобы другим неповадно было фашистов не уважать. Сначала по домам разбегитесь, захватите что необходимо, денег или еще чего, и – руки в ноги... Бегите хоть все вместе, хоть по одному. Со мной только Паша остается.

Волоколамов, хотя был в гражданской одежде, вытянулся по стойке «смирно», словно получил приказ на выполнение боевого задания. А я сам еще толком не знал, что делать дальше. Бывшие пленники как в воздухе растворились. Скоро никого рядом с нами не осталось.

– Что делать будем? – спросил я старшего сержанта. – Тоже в Донецк отправишься?

– Надо сначала этих бандитов уничтожить. – Паша был категоричен.

– Уверен, что справимся?

– Конечно, товарищ подполковник. Их здесь всего-то человек, кажется, пятнадцать. Я им обещал, что они у меня под себя гадить со страха будут. Обещания надо выполнять.

– Надо выполнять... – согласился я.

Он, кажется, верил в меня больше, чем я сам в себя. По большому счету, я намеревался только освободить Пашу и вообще не думал о других пленниках. При этом начинать собственную маленькую и победоносную войну в мои планы не входило, хотя теоретически я знал, что мог бы такую войну провести и даже выиграть. Но я же приехал просто родителей навестить, а если «засвечусь», то это обязательно отразится на их судьбе. Им и без того несладко, а тут еще... А Волоколамову необходимо своих поднимать и уводить из села. Вернее, увозить. У его отца мотоцикл с коляской. Все трое поместятся. Автомат я готов был ему отдать, считая, что мне он ни к чему. На случай, если его попытаются задержать.

Но Паша был настроен, видимо, очень решительно.

– Если их не остановить, они здесь над людьми долго мудровать будут...

– Сейчас в селе только трое осталось. Водку жрут и яблоками закусывают. Часовой был четвертым. Остальные уехали. Вернутся, наверное, только к утру.

– Тем более. Разделились, специально для нашего удобства. Хотя бы этих троих для начала... Надо, товарищ подполковник...

Мне в моем положении было несравненно тяжелее, чем старшему сержанту. Его отец – почти мой ровесник, друг моего детства, все еще крепкий сообразительный мужик, легкий на подъем, а мой престарелый отец лежит дома, прикованный к постели после инсульта. Я не могу его бросить. И вместе с Пашей бежать не могу. Во-первых, в мотоцикле Волоколамовых нет лишнего места, во-вторых, если я сбегу, то стану первым подозреваемым, и это опять отразится на моих родителях. Тем не менее не поддержать старшего сержанта я не мог.

– Пойдем...

Кусты я преодолел, просто пройдя напролом, и остановился только у штакетника. Остановился, чтобы обернуться и посмотреть на Пашу. Но Волоколамов, как делал раньше это же я сам, уже перепрыгивал через забор...

Теперь я уже не полз, хотя ступал осторожно, как и старший сержант сбоку от меня. Как я уже убедился, бандиты из «Правого сектора» вели себя достаточно беспечно, считая, что никто не посмеет оказать им сопротивления, никто не решится дать им отпор, и это давало возможность надеяться на удачное воплощение задуманного. Хотя, в принципе, еще ничего и задумано-то не было. Мы только проводили рекогносцировку. А желание уничтожить бандитов было только озвучено, но никак не спланировано. Конечно, в спецназе ГРУ широко распространено и часто применяется такое понятие, как «работа по обстановке», то есть без пред-

варительного планирования. Такая работа основывается на высокой боевой выучке и часто дает должный результат. Но все же продуманное и спланированное мероприятие всегда легче и чище в выполнении. Однако, чтобы провести планирование, следует сначала иметь конкретные данные. Эти данные нам и необходимо было добыть. Или в самом деле действовать по обстановке.

Но, к моему глубокому разочарованию, в доме, где отдыхала смена часовых, видимо, закончилась водка. Она всегда заканчивается не вовремя. Там, в доме, легли спать и свет выключили. Если выключили, значит, недостаточно пьяны. Мы с Пашей минут десять ждали в кустах хоть какого-то проявления жизни в доме. И дождались. Даже через двойное окно послышался залиvistый храп. Мне подумалось, что такой храп просто обязан всех, кто рядом находится, разбудить и обеспокоить. Он звучал откровенно нездорово. Но из дома больше не донеслось ни звука. Должно быть, двое других хватили водки с излишком, поэтому на храп никакого внимания не обратили или просто привыкли каждую ночь слышать такие звуки.

– Спят, похоже, без задних ног... – прошептал старший сержант и тихо шмыгнул своим раздавленным носом.

– А хозяйева дома где? – поинтересовался я. – Не знаешь?

– Только по разговорам. «Правый сектор», как приходит, хозяев выгоняет, и сам в доме хозяйничает. Хозяева где-нибудь у родственников или у соседей. Ждут, когда эти уедут...

– Это и к лучшему, – отметил я. – Но как бы нам этих бандитов выманить? Лучше бы по одному. Или, для начала, одного, а потом уж с двумя другими разберемся.

– Сейчас, – спохватился Паша, – я в соседний дом сбегая. Там Лилька Фиртак живет. Со мной в одном классе училась. Она раньше на скрипке играла. Попрошу у нее канифоль, катушку ниток и иголку. Мы раньше с пацанами всегда у нее канифоль брали. Знаете такое дело, товарищ подполковник?

– Знаю. Беги...

Мы в детстве тоже так хулиганили. У каждого поколения есть свои проделки. Эта проделка относилась и к годам моего детства точно так же, как к годам детства Паши. Видимо, шутка передавалась по наследству и позже тоже была востребована. Продеваешь в иголку длинную нитку, иголку вставляешь в раму вплотную к стеклу, потом трешь нитку канифолью. Скрип канифоли через нитку и иголку передается на стекло, и в доме раздается весьма неприятный звук – скрип, словно стекло кто-то стеклорезом пытается вырезать. Главное, разбудить этим скрипом кого-то. Настоящий мужик, проснувшись, постесняется будить других из-за подобного пустяка и говорить, что он испугался. Выйдет сам посмотреть. Хотелось надеяться, что в доме находились настоящие мужики. По крайней мере, они старались выглядеть такими.

Когда Паша вернулся, я аккуратно пробрался к окну. Увидеть с улицы кого-то в доме сквозь стекло, когда свет выключен, невозможно, поэтому была опасность оказаться замеченным. Здесь я взял ответственность на себя, хотя на старшего сержанта тоже надеялся, все же он уже третий год в спецназе, чему-то научился. Подходил к дому я через «мертвую зону», то есть под таким углом к окну, что меня заметить было невозможно. Под самым окном встал на четвереньки и быстро проскочил, как обезьяна, до нужного места. И все это время тащил за собой иголку с ниткой. Волоколамов надел катушку на тонкую ветку, и она крутилась, не мешая мне передвигаться. Приподнявшись, я плотно вставил иголку между стеклом и штапиком. Потом сделал знак старшему сержанту, и он, как мы и договаривались, подтянул нить, чтобы она не провисала. Возвращаться к Паше мне не было смысла. Не только из-за вероятности быть замеченным со стороны, просто потом все равно следовало выдвигаться на крыльцо. С собой я взял только палку. Ту самую, которую уже опробовал на часовом возле школьного подвала. Автомат доверил Волоколамову. Он всегда хорошо стрелял и, если возникнет необходимость, прикроет меня. Но я рассчитывал обойтись вообще без стрельбы, чтобы не будоражить жителей

Пригожего. Стрельба на улице – это всегда чрезвычайное происшествие. И на каждое такое происшествие найдется любопытный глаз, который выглянет из темного окна в щелочку между шторами. И что потом скажет обладатель этой головы кому-то? И до кого дойдут слова? Нет, стрельбы лучше бы избежать... Это все я предельно ясно объяснил Паше Волоколамову. Он согласился, поскольку знал уже, что я здесь остаюсь, в селе, и стрелять согласился только в самом крайнем случае.

Я опять встал на четвереньки и пробрался на крыльцо. Потрогал дверь. Она оказалась не закрытой. Это радовало. Если не сработает история с ниткой и канифолью, можно будет просто войти. Но для начала следовало опробовать обговоренный вариант. Я встал за дверь, сделал старшему сержанту знак рукой и начал работать. Я не видел нитку, не слышал звуков и не прислушивался больше к тому, что происходило внутри дома, – ждал и жаждал услышать шаги. И услышал. Шаги быстрые. Тут что-то загрохотало, видимо, выходящий в темноте споткнулся, раздались матюки. Дверь распахнулась, и на крыльцо выскочил человек с автоматом в руках. Выскочил он, глядя в сторону окна, поэтому неосторожно подставил мне затылок. Я, пожалев палку, просто «выстрелил» снизу основанием ладони прямо по его черепу. В своем ударе я был уверен – он хорошо отработан и не единожды опробован в деле. Мне осталось только поймать падающее тело и тихо уложить за крыльцо. Даже то, что бандит не отлетел вперед, а плавно осел на меня, говорило о том, что удар получился, как и задумывалось, предельно резким. Но я на всякий случай подстраховался и поступил с его шеей точно так, как до этого поступил с шеей часового. Убить убитого невозможно. А обеспечить себе и напарнику тишину и дальнейшую скрытность поведения я этим мог.

К сожалению, мы со старшим сержантом не обговорили, что будем делать после того, как выйдет первый. Продолжать скрипеть или войти в дом и разобраться со спящими бандитами? Мне больше улыбался второй вариант. В первую очередь потому, что повторяться в работе не люблю. Да и выход второго мог бы оказаться не таким, как выход первого. Первый вышел, не вернулся. Второй может сам не пойти, а просто спяну послать вместо себя через дверь пули. Им-то тишина села не важна, как важна мне, и потому я призывно поднял руку, делая приглашающий жест. Паша должен был его увидеть. Не такая темная была эта ночь, чтобы не заметить, а жесты он, и не только командирские, читать давно научился. Это только сейчас в спецназ начал приходить комплект экипировки «Ратник», имеющий свою коммуникационную систему, а до этого при необходимости соблюдать тишину всегда общались жестами. И Паша меня должен был понять.

И он понял. Я увидел его тень, мелькнувшую среди кустов, а чуть позже, когда он подбежал ко мне, шепотом объяснил все же смысл своего жеста:

– Их там двое, и нас двое... Войдем?

– Да пусть их хоть пятеро будет...

Но прежде чем приблизиться к двери, Волоколамов пошарил по карманам бандита и вытащил трубку. Посмотрел, снял заднюю стенку, вытащил аккумулятор и забросил в кусты. Трубку на грудь бандита бросил.

– Не моя...

– Забрали?

– Конечно. Сразу...

Подумав, я из той же брошенной бандитской трубки вытащил sim-карту. Мало ли какие обстоятельства могут выпасть. Невозможно будет счет на своей трубке пополнить, хотя у меня пополнение идет автоматически через банковскую пластиковую карту и через услуги мобильного банка. Но чужая «симка» тоже может сгодиться...

Я опустил предохранитель в положение стрельбы одиночными выстрелами и, положив руку на дверную ручку, прошептал:

– Готов?

– И даже больше, чем готов! – прохрипел в ответ Паша.

Его предохранитель тоже щелкнул, опускаясь сразу на две градации в положение автоматического огня. Но старший сержант Волоколамов все же воспитанник спецназа ГРУ и, памятуя мои недавние наставления, не станет стрелять почем зря, если есть возможность обойтись без стрельбы. А мы постараемся себе такую возможность обеспечить.

Одной рукой я держал автомат, второй открывал дверь. Фонариком не пользовался. Но естественный ночной свет с улицы в сени почти не проникал – луна была по другую сторону дома, и потому, опасаясь на что-то наступить, что-то задеть ногой, загреметь, как гремел убитый мною бандит, и разбудить других бандитов, я, поставив ногу на порог, придержал коленом дверь и вытащил фонарик из кармана. Только не тот, с которым обследовал подвал, а второй, маленький и слабосильный фонарик в зажигалке. Для такой работы он вполне подходил. Но даже этим слабым фонариком я пользовался с предельной осторожностью. На пару секунд нажал кнопку на ребре зажигалки, и этого мне хватило, чтобы сориентироваться в незнакомом месте. Здесь опасности не было, но здесь она и не ожидалась. Теперь предстояло самое сложное. Ориентируясь по количеству и расположению окон в доме, я примерно вычислил, что нам, дабы попасть в комнату к бандитам, следует преодолеть еще одну комнату. Хотя, скорее всего, это и не комната вовсе, а только кухня. Кроме того, неизвестно, открыта ли дверь в ту комнату, где спят бандиты. Если открыта, они могут среагировать на появление луча фонарика. Мы не знали также, где бандиты держат оружие, когда ложатся спать. Кто-то может ставить все оружие к одной стене, кто-то может класть автомат под руку. Некоторые из бандитов на Северном Кавказе спали, например, отпустив предохранитель в боевое положение, чтобы начинать стрелять при опасности, еще полностью не проснувшись. Правда, местные бандиты не чувствуют вокруг себя опасности и потому держатся расслабленно. Но многие из них воевали против России еще в первую чеченскую войну и могли там научиться предосторожностям.

Однако время нам терять было нельзя. К тому же не было гарантии, что снова сработает первый вариант с ниткой, иглой и канифолью. Значит, следовало входить в дом. Когда грудь прикрыта бронежилетом, хотя я на собственном опыте имел возможность убедиться в том, что пуля, попавшая в бронежилет, тоже не слишком приятное явление, как-то всегда легче это делать. Но, если нет другого варианта, следует использовать единственный. С полной осторожностью, но решительно.

Я взялся за дверь двумя руками, придержал ее, чтобы не скрипнула, и приоткрыл настолько, чтобы образовалась маленькая щель. За дверью, как я и предположил, была кухня. Из слегка приоткрытой дверцы печи выходил слабый красноватый свет – догорали угли. А вот двери в соседнюю комнату, где устроились бандиты, не было вообще, только висевшая на проводе, протянутом от стены к печке, занавеска из тонкой ткани. Света за ней не было, и это вселяло надежду, что бандиты спят. Хотя полностью отменить вариант, при котором за занавеской в нашу сторону будут наставлены два ствола, нельзя.

Я подал знак рукой: «Внимание!» – и раскрыл дверь шире. Старший сержант Волоколамов сразу просунул в щель ствол своего автомата и направил его на занавеску, сам он при этом находился за стеной. Держа оружие готовым к стрельбе, я перешагнул порог и легко скользнул в сторону печи. Затем обернулся и жестом позвал Пашу. Он двинулся в кухню так же бесшумно, как и я, но перемещался в другую сторону – к стене, от которой тянулся провод к печи. Ствол моего автомата в это время смотрел на занавеску, прикрывая передвижение Волоколамова.

По большому счету, если что-то должно было случиться, оно бы уже случилось. Причем случилось бы сразу, когда я начал передвижение в сторону печки. А перемещение в кухню старшего сержанта, по сути, было уже безопасным делом. Тем не менее я не расслаблялся и страховал Пашу с полной ответственностью, готовый в любое мгновение нажать на спусковой крючок автомата.

Заняв позицию, Волоколамов едва-едва сдвинул угол занавески и, заглянув внутрь, махнул мне рукой. Я сразу шагнул в комнату, где спали бандиты, Волоколамов двинулся за мной и за моей спиной сместился вправо. Я уже успел заметить, что там стоят, прислоненные к простенку, два автомата. Но это не было гарантией безопасности, бандиты могли быть вооружены еще и пистолетами. Я знал одного дагестанского бандита, который всегда спал, сунув под подушку руку с пистолетом. Но об этом знали и другие и сообщили мне перед тем, как я со своими солдатами отправился «брать» этого бандита. Зайдя в комнату, я сразу сел ему на голову, чтобы придавить руку с пистолетом. Бандит тогда спросонья все же выстрелил. Пуля угодила в стену. А пошевелить пистолетом ему не давал вес моего тела и его головы. Здесь могло бы случиться то же самое. На диване спал только один из бандитов, длинный. Как я понял по наблюдениям при смене часового, это был старший в группе часовых. Два матраса валялись на полу. Один был занят, второй занимать было уже некому.

Я показал Паше на второго, намереваясь шагнуть к длинному, но старший сержант отрицательно мотнул головой, пальцем показав сначала на свой нос, а потом на старшего. Я понял, кто раздавил контрактнику спецназа ГРУ нос, и согласно кивнул. Долги следует отдавать. Так мы разделили противников. Паша и без моей подсказки просчитал вариант с пистолетом. Проверив свободные руки бандита, он сразу сунул свою руку под подушку, вытащил пистолет и, щелкнув предохранителем, а потом и затвором, приставил ствол к виску бандита. Причем делал это профессионально и рационально. Я же, чтобы лишний раз не наклоняться, воспользовался тем, что мой противник спит на спине, и сразу нанес удар тяжелым башмаком сначала в челюсть, а потом каблуком по лбу. Так и не проснувшись, бандит потерял сознание.

– Какого хрена! – проворчал противник Паши, просыпаясь то ли от ощущения холодной стали у виска, то ли от звука моих ударов, и повернулся на спину.

Паша резко развернулся с выбросом ноги, и на развороте обрушил свой каблук старшему прямо на нос. Тот взвыл с матюками и, кажется, окончательно проснулся. Попытался вскочить, но на середине своего движения получил удар коленом в лицо и откинулся на спинку дивана. Сознания, однако, не потерял, потому что колено попало не в челюсть, а в тот же уже поврежденный нос, да и присутствия духа бандиту, кажется, тоже хватало.

– Кто такие, мать вашу! – попытался он, не осознав еще ситуацию, «качать права». – Уничтож-жу... По полу размаж-жу...

Однако ситуация была такая же, как и днем. Права у того, кто держит в руках оружие. Только сейчас оружие было в руках другой стороны, и нас со старшим сержантом его выкрик просто рассмешил. Длинный настолько прочно чувствовал себя хозяином жизни, что откровенно не понимал, как кто-то смеет в этом сомневаться.

– Хорошо смеется тот, кто смеется в последний раз! – проговорил бандит, еще надеясь, видимо, на нашу нерешительность.

Но нам отступать было уже некуда. Три бандитских трупа за нашими спинами требовали продолжать начатое без остановки, поэтому я ответил ему словами:

– Извини уж, но у нас задняя скорость не включается...

Он с недоумением посмотрел на меня, потрогал свой кровоточащий нос, шмыгнув им, сплюнул на пол кровь и спросил достаточно по-хамски, все еще угрожая голосом:

– А ты, вообще, кто такой? Я тебя не видел, не знаю и знать не хочу. Его вот, – последовал кивок в сторону Волоколамова, – видел и даже бил. И еще буду бить, пока не сдохнет. Я много таких в Чечне изуродовал... А тебя я не знаю...

– Это потому, что не ты старшего сержанта арестовывал, – сказал я. – А я там был и представлялся: меня зовут – Последний довод. Но бил старшего сержанта ты, когда на него стволы наставили. Так же, наверное, как и солдатиков наших в Чечне. Вы всей своей бандой только и способны безоружных бить, на другое не годитесь. Это, я понимаю, реалии совре-

менной Украины. А теперь ситуация диаметрально противоположная. Теперь он тебя бьет. И стволы на тебя наставлены. Все справедливо.

– В расчете, что ли? – Бандит спросил у Паши, а не у меня, хотя должен был понимать, что я здесь старший.

– Ты слишком наивен, – ответил ему все же я. – Если Паша тебе нос расквасил, он, может быть, и удовлетворился. Однако я не удовлетворен. У меня несколько солдат тоже в Чечне погибло, еще в первую чеченскую. Может быть, от твоих рук. Ты зря об этом вспомнил. Зря... Ты сам себе приговор подписал и не понял этого. Но это от тупой головы. А вот поумнеть у тебя времени не остается. Ты никогда уже ничему не сможешь научиться. Я бы мог оставить тебя в живых, если бы была надежда, что ты поумнееешь. А вот ты не поумнееешь, я уверен...

– Убивать будете... – не спросил, а утвердительно произнес старший бандит.

– Будем...

Он вдруг, неожиданно резко для своего крупного тела, вскочил, пытаясь одновременно обхватить старшего сержанта за шею, чтобы закрыть его телом от моего автомата. Но Паша хорошо владел искусством рукопашного боя и реакцию имел отменную. Он легко нырнул под руку и, оказавшись за плечом бандита, воспользовался его неустойчивым положением и легко опрокинул на тот же диван ударом локтя. Я, грешным делом, подумал, что Волоколамов сейчас начнет избивать его. Честно говоря, я не люблю таких сцен, когда человека избивают, а он не имеет возможности сопротивляться. Но Паша схватил подушку, прижал ее бандиту к груди стволом пистолета и выстрелил. Подушка сыграла роль глушителя, и выстрел почти не было слышно. Я кивнул на второго, который был без сознания. Волоколамов шагнул к нему с подушкой в руке и повторил выстрел.

– Уходим... – скомандовал я и двинулся к выходу, но вдруг краем глаза увидел, что Паша возвращается к старшему, и решил, что он собирается добить его.

Но добивать никого не пришлось. Старший сержант просто вытащил из кармана бандита трубку и удовлетворенно проговорил:

– Моя...

Мы вышли на крыльцо, предварительно внимательно осмотрев двор. Ничего не обсуждая на открытом месте, зашли в густые кусты и только там остановились, чтобы прикинуть дальнейшие действия. Автоматы бандитов мы забрали с собой. С запасными магазинами, кстати.

– Что теперь, товарищ подполковник? – спросил старший сержант.

– Остальные бандиты, думаю, только к утру вернуться. Сейчас беги домой, собирай родителей, на мотоцикл, и куда-нибудь подальше. Если сможешь уговорить, гони домой, в Россию. У себя их устрой. Не сможешь уговорить, вези к брату отца в Донецк, а сам потом на службу возвращайся.

– У меня еще неделя отпуска... – набычил Паша голову.

– Дома и догуляешь. Я же не говорю, чтобы сразу в батальон.

– А вы, товарищ подполковник?

– Я бы с тобой уехал, но в мотоцикле лишнего места нет. И, главное, отца оставить не могу. Мне придется здесь остаться.

– А бандиты...

– Никто не видел, что я с тобой был. В крайнем случае я смогу за себя постоять. Оружие и патроны пополам делим. Два автомата тебе, два – мне. Отец у тебя, когда служил, был, помнится, лучшим стрелком батальона. Сумеет автоматом воспользоваться в нужный момент. По дороге на бандитов не нарвитесь... Иди...

– Вопрос можно, товарищ подполковник?

– Валяй!

– Вы, уже дважды слышал, представляетесь бандитам как-то странно.

– Последний довод... – усмехнулся я. – Песня в голове сидит. По Интернету однажды услышал. Что-то про летчиков, про самолеты. Слова там такие: «Коль в верхах большие лица не нашли для мира повод, не смогли договориться, значит, я – последний довод». Если не ошибаюсь, автор – Николай Анисимов. Песня от лица самолета, который чувствует себя последним доводом. Встретится, послушай... У меня эта песня несколько недель из головы не выходила. Сильно тогда на меня слова подействовали. И я себя сейчас таким же самолетом чувствую. Последним доводом...

Впервые я так сказал, кстати, не представляясь. Когда бандиты из «Правого сектора» пришли в дом к Волоколамовым, моя мама тут же об этом мне сообщила. Она боялась, что и за мной придут, как за Пашей. Она просила меня убежать и спрятаться.

– А милиция ваша что же? – спросил я.

– Они туда вместе с милицией пришли, прячься. Амирхан их и привел. Кричат, что Пашка – русский шпион. Бьют его. Беги, сынок! Амирхан их сюда сейчас поведет.

Вместо этого я пошел к Волоколамовым. Я был в камуфлированном костюме военного образца, но без погон и каких-то эмблем.

Спокойно вошел в дом и обратился не к приезжим бандитам, а к участковому:

– Что здесь происходит?

Амирхан Шихран ничего не ответил. Он стоял, бледный и злой, со сжатыми зубами. По лицу бегали желваки. Посмотрел на меня колючим взглядом и отвернулся, предоставляя бандитам со мной беседовать.

– А ты кто такой? – спросил круглобокий коротышка, который всем и распоряжался.

– Амирхан! – позвал я. – Я задал вопрос...

– Шел бы ты лучше, дядя Вова, отсюда, – ответил тот. – К моему отцу загляни. Он обижается, что ты не заходишь... Ты же пенсионер... А здесь без тебя разберутся.

Паше Волоколамову начали связывать руки. Мы с ним были безоружные, и не было момента для сопротивления, как я оценил обстановку. Автоматные стволы смотрели и на меня, и на Волоколамова. И отца его дома не оказалось, чтобы за Пашу вступить.

– А ты что, за шпиона русского пришел заступаться? – вплотную подошел ко мне коротышка. Он, определенно, всеми бандитами и командовал.

– За кем он шпионил? За тобой? – спросил я. – Не много ли берешь на себя? Не велика, вижу, персона... – и измерил его взглядом от подошвы до макушки.

– Да ты кто вообще такой? – возмутился коротышка и посмотрел на участкового.

– Это военный пенсионер, местный житель, – не совсем честно ответил Амирхан. Спасибо ему, прикрыл старого друга своего отца хотя бы этим. – Этот Паша говорил всем, что Крым должен принадлежать России, – объяснил мне он. – Открыто говорил.

– И что с того, что он говорил? – спросил я. – Каждый имеет право на свое мнение.

– А у меня есть довод против этого, – потряс автоматом коротышка. – Хороший довод. Убедительный.

– Но и против такого довода может найтись «Последний довод», – вспомнил я тогда песню про летчиков. – Ты что, собираешься с Россией воевать? – Мой вопрос прозвучал насмешливо.

– Пусть приходит твой «Последний довод». Разберемся... – побледнев, процедил коротышка. – И иди отсюда, не мешай работать... Пенсионеров я не бью...

Я посмотрел на Волоколамова, тихо кивнул ему веками, и мне показалось, что Паша понял мои намерения. Он хорошо понимал все, чему его учили. Чему я его учил. А я учил его, как и всех своих солдат, что ввязаться в неравный бой, когда ты не готов к нему, глупо. Можно изобразить смирение, согласие, а потом атаковать внезапно, когда противник будет не готов к твоей атаке. Это тактика спецназа ГРУ. Отработанная и многократно проверенная практика.

Я развернулся и вышел из дома Волоколамовых, уже зная, что ползать я умею неслышно и невидимо, и зная, что я буду делать с наступлением темноты, которая, по времени года, сейчас подступает рано. Я взялся стать тем Последним доводом, что придет спасти старшего сержанта Волоколамова. Я так для себя решил...

Глава 1

Ночью, уже ближе к утру, но все еще в темноте, мне на сотовый позвонил старший сержант Волоколамов. Ложась спать, я слышал, как прогремел по улице мотоциклетный двигатель. Мотоцикл с таким серьезным двигателем у нас в Пригожем был один, только в доме Волоколамовых. Я понял, что Паша с родителями уехал. Это меня успокоило. Сам я, вернувшись домой с двумя автоматами, перепугал видом оружия маму, но, взяв в руки лопату, быстро соорудил в огороде схрон, простелил его от сырости рубероидом, спрятал автоматы и зарыл, замаскировав свою работу дерном, который вырезал на пустом участке неподалеку от нашего.

– Куда ружья спрятал? – спросила мама.

Это она автоматы ружьями назвала. Для нее, наверное, и пистолет ружьем назовется...

– В туалете утопил, – соврал я, и она, кажется, успокоилась.

Я ушел спать в свою комнату. Эта комната с детства считалась моей. Моя кровать, как стояла когда-то у правой от входа стены, так там же и оставалась. Несмотря на не совсем обычные события вечера и начала ночи, уснул я сразу и спокойно, словно ничего не произошло. Нервная система у меня оставалась прежняя – нервная система боевого офицера. Только мотоциклетный двигатель отметил, перед тем как уснуть. Этот звук тоже успокаивал. Значит, Волоколамовы моему совету вняли. Так же спокойно я и проспал бы до утра, если бы не звонок на трубку. Трубка лежала в кармане куртки, висящей на стуле. Я торопливо вытащил ее, чтобы звонок не разбудил маму, и определитель показал номер Паши.

– Слушаю тебя, старший сержант!

– Товарищ подполковник, товарищ подполковник... – У Волоколамова явно что-то случилось, понял я.

И тут же услышал автоматную очередь. Из трубки услышал. И тут же вторую. И определил однозначно, что стреляли два автомата «АК-47». То есть как раз такие автоматы, которые Паша взял с собой. Автомат калибра семь, шестьдесят два существенно отличается как по звуку, так и по убойной силе от более современного автомата «АК-74» калибра пять, сорок пять. Ни один боевой офицер не спутает звук очередей этих автоматов. Даже услышав их в телефонную трубку. И обе очереди, которые я слышал, были короткими, в три патрона. То есть правильными очередями. Я не был уверен, что необученные бандиты стреляют так же. И, словно в подтверждение моих мыслей, издали донеслись через чуткий микрофон трубки сразу несколько очередей. Длинных или, я бы сказал, даже непростительно длинных. Впрочем, длинная очередь вовсе не обязательно говорит о том, что автоматчик не умеет стрелять. Просто короткая очередь – она прицельная, а длинная может быть и прикрывающей чью-то перебежку, и просто прижимающей противника к земле, чтобы не дать ему стрелять.

– Что там у тебя, Волоколамов?

Паша ответил не сразу. Видимо, не имел возможности поднести трубку к уху, стрелял. Но все же нашел возможность.

– Беда, товарищ подполковник. Мы по дороге ехали. Навстречу фары. Два внедорожника дорогу перекрыли. Те уроды, что меня арестовывали. Возвращаются в село. Мы объехать хотели на скорости, но они по нам стрелять начали. Папе руку прострелили. Но он мотоциклом все равно управлял, и мы проскочили. А маму со Шкаликом убили. Шкалик – это собака наша. Шкалик в мотоциклетной коляске сидел у мамы на коленях. Пуля через Шкалика насквозь прошла и в маму попала. И еще две пули в нее. Сразу... Не мучилась. Потом колесо нам прострелили. Уже когда сзади стреляли. Я за папой сидел, спиной его прикрывал, чтобы он уехать смог. Он вилял сильно, чтобы не попали. Но колесо пуля развалила. И еще две пули маме в спину. А я цел, как заговоренный. Меня мама от пули когда-то заговаривала. Она умеет. Умела... Только надо было не от пули, а от кювета. Мы в кювет упали. Эти думали, что мы

разбились, к нам побежали. Но у нас с папой автоматы. Мы четверых уже уложили. Сейчас отбиваемся. На машинах они подъехать не решаются. То ли машины берегут, то ли еще что. Машины-то дорожные...

Машины, в самом деле, были не самыми дешевыми. Если это те самые бандиты, что в наше село приехали, то у них «Тойота Ленд Крузер-200» и «Рейндж Ровер».

– Держитесь. Я подъехать не смогу. Не на чем, кроме велосипеда.

– Да мы уже далеко уехали. Сейчас, кажется, отходят. Да, машины завели. Отступают. Мы их пулями проводим...

Паша положил трубку, и его очередь слилась с очередью его отца, который находился, видимо, рядом. Стреляли они недолго, после чего Паша снова взял трубку:

– Отогнали их, товарищ подполковник. Не шибко храбрые вояки оказались. Одну машину мы все же остановили. Там только водитель был. Папа в него сквозь заднее стекло попал. Прямо, как мне кажется, в башку. Значит, пятерых мы «положили». А они – маму убили... Ей надо было не меня, себя заговаривать. И папу...

– Вы действовали неправильно, – дал я краткий урок тактики на будущее. – Как фары увидели, следовало сразу автомат подготовить. Хотя бы один. А как машины дорогу перекрыли, сразу надо было стрелять на опережение. Не ждать, когда они начнут стрелять, самим надо было, чтобы они уже не могли прицельно по вам стрелять. А вы бы в темноте и скрылись.

– Папа зовет машину посмотреть. Мотоцикл уже не поедет. У нас запаска – только переднее колесо, а перебили заднее. Попробуем на машине.

– Попробуйте, – согласился я. – Позвони мне, что получится. Только осторожно. Там, на дороге, могут быть раненные.

– Спасибо. Папа тоже спасибо говорит. За мое спасение. Он не верил, что так может быть. Возмутился все крымским референдумом. А Крым от таких вот бандитов в России спасся. Туда они не сунутся. А если сунутся, мало не покажется. Я вам позвоню...

Я отключился от разговора.

Паша перезвонил через восемь минут, которые я просидел на кровати в волнении.

– Товарищ подполковник, все в порядке. Правда, двое были только ранены. За оружием тянулись. Упертые. Пришлось пристрелить. Мы с папой машину завели. Сейчас маму на заднее сиденье загрузим и поедем в Донецк. Машина почти без стекол, дырявая вся. Но все не пешком идти. И маму мы не донесли бы...

– Удачи, старший сержант, – пожелал я. – Возвращайся в батальон. Не забывай, что ты – военнослужащий спецназа ГРУ.

– Спасибо, товарищ подполковник. Я днем вам позвоню.

– Зачем?

– Узнать, как вы. Обошлось? А то эти бандиты злые возвращаются. Пятерых они на дороге потеряли, четверых в селе. Могут вас начать искать.

– А кто им скажет про меня! Меня никто не видел. Доказательств нет.

– Товарищ подполковник, неужели вы думаете, что им нужны доказательства... Какие у них были доказательства, что я – русский шпион? И здесь то же самое. Все село знает, что вы – подполковник спецназа. Кто-то да скажет... Если уж мой отец был против присоединения Крыма, со мной ругался... что же о других говорить!

Не стану же я объяснять старшему сержанту, что мне нельзя просто так уехать и скрыться, потому что мой отец прикован к постели после инсульта, и я не могу его, беззащитного, бросить, как не могу бросить такую же беззащитную маму. Это личное и глубинное, это то, что выше разума и выше естественной человеческой самозащиты, выше инстинкта самосохранения. Это вообще не поддается выражению словами.

– Я все понимаю, Паша. Позаботься об отце. Ему сейчас трудно. Обо мне не беспокойся...

После такого разговора уснуть сразу было сложно, и я, естественно, не смог, несмотря на все свои нервы, которые считал стальными. Уснул только тогда, когда за окном начало активно светать. Значит, уже было начало шестого утра. Спать оставалось совсем недолго. Но я, сомкнув глаза, приказал себе и уснул...

Утром, когда настоящее утро подступило и окончательно рассвело, я спокойно спал, крепкие нервы все же свое слово сказали, и мне не снились никакие кошмары, и не мучили во сне неразрешимые вопросы, тем не менее я услышал, как открылась дверь моей комнаты, в которой прошло все мое детство. Даже не открывая глаз, я понял, что на пороге остановилась мама. Это было своего рода дежавю. Точно так же мама поднимала меня когда-то в школу. Без крика, без понукания, просто заходила тихо, и я понимал, что пора вставать. Иногда она проходила дальше, раздвигала занавески на двух низких окнах комнаты и садилась на старый диван с проваленными валиками по бокам. Так она сделала и в этот раз. Я понял, что время подошло, открыл глаза и сел на кровати. Окна моей комнаты выходили в огород, и улицу мне видно не было. Но показалось, что я услышал шум двигателя подъехавшей и остановившейся машины. Вроде бы даже дорога хрустела под колесами. У нас в селе дорога посыпана гравием, и гравий всегда хрустит, когда машина по нему едет. Этот шум двигателя меня обеспокоил. Время такое, что шум машины не должен был нести ничего приятного. Я начал быстро одеваться и уже зашнуровывал берцы, когда мама поднялась с дивана, глянула в окно и сказала:

– Показалось, за окном что-то мелькнуло.

Я сидел на стуле боком к окну, поэтому ничего не заметил, тем не менее, связав слова мамы со звуком двигателя, уже понял, что происходит, и стал обуваться быстрее. Меня словно специально дожидались. Едва я закончил, как дверь на кухне вылетела от чьего-то сильного удара ногой, и несколько вооруженных автоматами людей ворвались в дом. Впереди всех был уже знакомый мне коротышка, что руководил арестом старшего сержанта Волоколамова.

Дверь в мою комнату оставалась открытой, и мне было их хорошо видно, как и им меня.

Бандиты сразу ринулись вперед и только слегка замешкались в дверном проеме, не сумев протиснуться втроем одновременно. Спрашивать, что им здесь нужно, никакого смысла не было. А промедление от желания прояснить ситуацию могло только усугубить мое и без того нелегкое положение.

– Ну что, пришел к тебе на помощь твой Последний довод? – злорадствуя, спросил коротышка. Он не понимал, о чем спрашивает. Его непомерно возвышало положение, при котором он, по его мнению, держал в своих руках мою жизнь. Однако это роста ему не добавляло, как ни одно выигранное сражение не смогло добавить роста Наполеону.

– Дурак! Это я – Последний довод...

Коротышка опять не понял. Или понял только то, что Последний довод, как и обещал, выручил из плена старшего сержанта Волоколамова.

Я уже просчитывал варианты действий, и тут мне помогла мама. Она резко выкрикнула, тем самым привлекая внимание к себе:

– Что за наглость такая! А ну, вон отсюда, не то кочергой вас сейчас выгоню...

Характер у мамы всегда был серьезный. Она даже шагнула к печке, чтобы взять в руки кочергу и доказать, что она не шутит.

Бандиты оцепенели, уставившись на нее, и на меня не смотрели. Я этим и воспользовался.

На резком выдохе сделал стремительный и широкий шаг вперед, оттолкнулся ногой, прыгнул, поставив свое тело горизонтально полу, пробежал два шага по стене печки, услышал, как раздалась автоматная очередь, но я был выше стволов, и пули пролетели подо мной. Затем оттолкнулся от печки левой ногой, а правой нанес удар специально укрепленным носком своего армейского башмака в висок коротышке. Со всей своей возможной яростью и резкостью. У меня даже возникло ощущение, что я ему половину головы ногой снес, хотя это, скорее

всего, было не так, убить его я не мог. Но стрелял не коротышка. Стрелял, как я увидел еще во время прыжка, стоящий рядом с ним рыжеусый детина, на голову которого упало мое летящее вдогонку за правой ногой левое колено. По идее, я мог в таком положении и упасть на пол. Но не зря, видимо, я уделял много времени тренировкам на батуте. Батут помогает обрести координацию движений в те моменты, когда под ногами нет твердой опоры или вообще нет никакой опоры. Немыслимым образом перевернувшись, я встал на обе ноги. Но еще до этого быстро оценил ситуацию. Прямо напротив меня был еще один бандит – одутловатый, мутноглазый, с тяжелыми фиолетовыми мешками под глазами. Встав перед ним на обе ноги одновременно, я с короткой дистанции сразу двумя большими пальцами обеих рук нанес удар ему по глазам. Сильный удар, болезненный и, возможно, несущий даже тяжелую травму, хотя и не выбивающий глаз. Получивший такой удар человек просто обязан согнуться и схватиться за лицо руками. Но я не позволил бандиту сделать даже этого. Я стоял к нему почти вплотную, вцепился ему двумя руками в длинные усы и резко толкнул на двух его товарищей, которые, по своему тупоумию, еще только поднимали свои автоматы, забыв, что они стоят на предохранителях. Он отлетел прямо на них, сбив одного с ног и заставив второго пошатнуться и неуклюже попятиться. Я же перехватил обеими руками автомат жертвы, проверил положение предохранителя и дал три короткие очереди, после чего сразу отскочил в сторону – и вовремя, как оказалось. Рыжеусый после удара коленом в голову был отброшен на стену, которая не позволила ему упасть. Он быстро пришел в себя и, оставшись у меня за спиной, попытался нанести мне удар прикладом в затылок. Ему бы развернуть автомат и начать стрелять, но он хотел воспользоваться тем положением, в котором находился. Однако, «провалившись» после моего скачка в сторону и с трудом удержав равновесие своего крупного тела, детина тут же получил в голову автоматную очередь. Это оказалось более серьезным, чем удар коленом. Коротышка лежал в моей комнате, срубленный башмаком, как обухом топора. Я и увидел, что в глубине комнаты, упав грудью на сиденье дивана, лежит моя окровавленная мама. Я бросился к ней. Мама уже не дышала. Тогда я обернулся и выпустил в коротышку весь остаток пуль в автоматном «рожке». И автомат тоже в него бросил. Необходимости в такой очереди, конечно, не было. Но такой выплеск истеричности помог мне вернуться мыслями к происходящему. Бандитов пришло пятеро. Всего их было десять, но пятерых ночью уложили на дороге Паша Волоколамов с отцом. Значит, в селе бандитов не осталось, и нового нападения мне ждать не приходится. Я вернулся к маме, еще раз попытался прощупать жизнь в сонной артерии. Но пульса не было. Тогда я поднял ее и уложил на диван. Взял одеяло со своей кровати и укрыл им маму. Потом отправился в комнату к отцу. Отец не мог не только шевелиться, он не мог даже говорить, только мычал что-то, и частые слезы текли по его лицу. При этом он все слышал. Наверняка слышал и стрельбу в доме. Может быть, слышал и понял разговоры. Ему, в его состоянии, требовался покой и всякое отсутствие нервных переживаний – они могли его просто убить. А в доме звучала активная стрельба, которую обязан был услышать даже мертвый.

Я вошел в комнату. Папа смотрел на меня широко раскрытыми глазами и мычал, силясь что-то спросить. Что он хочет спросить, я понимал. Сейчас все вопросы должны были быть сведены к одному – к тому, что произошло.

– Бандиты приходили. Бандиты из Киева. Фашисты. Хотели меня убить.

Инсульт у папы случился, когда он смотрел по телевизору события на киевском майдане. Очень переживал происходящее. Его отец, мой дед, всю войну прошел от начала и до конца, дрался против фашистов. А теперь фашисты пытались прийти к власти в Киеве, и папа этого не выдержал. Сначала был первый инсульт. Еще легкий. Несколько часов он не мог шевелить ни левой рукой, ни левой ногой. Но телевизор все равно продолжал смотреть. А потом, когда фашисты все же пришли к власти, случился повторный инсульт. Уже двусторонний.

В ответ на мое сообщение папа опять попытался что-то сказать и даже пошевелиться захотел. Наверное, намеревался встать, что, вообще-то, было выше его сил. Чуть-чуть пошевелиться и колыхнуть одеяло у него получилось, а вот звуки в слова не слились.

– Они вчера хотели убить Пашу Волоколамова. Я его спас. Потом Волоколамовы, отец с сыном, пятерых фашистов убили и уехали. В селе оставалось пятеро. Они ко мне пришли. Пришлось и их убить.

Папа от моих слов вроде бы успокоился – больше и не пытался встать.

– Сейчас нужно уезжать, папа. Я возьму машину бандитов и отнесу тебя в нее. Мы поедем в Донецк.

Папа опять попытался что-то сказать. Я догадался, что он хочет спросить про маму. Но не мог же я убить его, рассказав, что с ней случилось.

– Маму я отослал к соседям. Она пока у тетки Зои. Мы уедем в Донецк, а мама потом к нам приедет. Пока она боится дом оставлять. Мы с ней так договорились.

Папа едва заметно пошевелил головой, и на щеку стекла неестественно крупная слеза. Я не знал его состояния так же хорошо, как знала его мама. Она за ним ухаживала и до конца верила, что папа в состоянии победить болезнь. Пусть не будет уже прежним сильным мужчиной, но хотя бы разговаривать сможет. Она выхаживала его, почти не отходила от папы, как от больного ребенка, и понимала его по выражению глаз. Я же понимать еще не научился, поэтому не знал, насколько он в состоянии поверить моим словам. Мне показалось, что не верит и все понимает. Именно этим и вызвано появление слезы. Тем не менее я догадывался, что сообщение о том, что маму убили, и самого папу убьет. Лишившись мамы, я не хотел в тот же день лишиться и его. Мне, взрослому мужчине, отцу двоих сыновей, мужу доброй, любящей жены, стало бы невыносимо жить без родителей. Тем более я прекрасно понимал, что, отвлекая внимание бандитов на себя, мама меня спасала. По крайней мере, давала мне шанс на спасение. Я этим шансом для себя воспользовался, но ее саму уберечь не смог и чувствовал свою вину и настоящую физическую боль в груди и в голове. Мне даже казалось, что я ранен, хотя ни одна пуля меня не задела...

Чтобы выполнить задуманное, мне необходимо было найти ключи от машины. Я вообще не любитель обыскивать убитых. Обычно меня от вида чужой крови слегка тошнит. Всегда, когда была в этом необходимость, перепоручал обыск тел солдатам. Но сейчас перепоручить было некому и пришлось искать ключи самому. Но рыться в чужих карманах я не стал, просто поверху ощупал карманы, нашел ключи с брелоком в кармане рыжеусого верзилы и вытащил их. В это время зазвонила трубка в кармане коротышки, лежащего лицом вверх со звериным оскалом на лице. Смотреть на него было противно. Тем не менее, не глядя в его лицо, я вытащил из нагрудного кармана трубку, которую только поцарапал пулей, но не разбил, и нажал кнопку ответа на звонок. Это не было ненужным любопытством, я надеялся услышать что-то для себя важное и потому, кашлянув в трубку, припоминая хриплый голос коротышки, прохрипел:

– Алло! Слушаю...

– Папа, папа... – послышался детский голос.

– Слушаю тебя... – ответил я.

– Ты когда плиедешь? – лепетал ребенок.

Но тут же раздался и другой голос, женский.

– Олександр! Это мама...

– Что вы хотели? – спросил я.

– Кто это? – после короткой паузы сурово спросила женщина.

А я уже придумал себе боевой позывной.

– Меня зовут – Последний довод.

– А Александр где?

– Нет его. И никогда больше не будет... – сказал я жестко, как не стоило бы, наверное, говорить с чужой матерью. Но они убили мою маму, и это я помнил.

– Ой! О-ой!.. – сразу заголосила женщина.

Это было выше моих сил, и я нажал кнопку «отбоя». Конечно... Почти у каждого такого уroda есть мать... А у меня ее уже нет и никогда не будет. Когда дети переживают своих родителей, это естественно. Но когда родители переживают своих детей – это противоестественно. Но любая война, тем более такая, какая начиналась на Украине, вообще противоестественное явление. Трубка зазвенела снова. Определитель показал тот же номер. Я выпрямился и с силой бросил трубку о пол. Полетели осколки, но звонок не прекратился. Тогда я просто приподнял коротышку за брючный ремень и подsunул трубку ему под широкую, откормленную задницу. Звук звонка стал почти неслышимым. А я подошел к телу мамы и пальцами закрыл ей глаза.

– Прости, мама. Ты меня произвела на свет, дала мне жизнь. И умерла, меня спасая. Прости, мама...

Что я испытывал в эти мгновения, словами передать трудно.

В голове горело, словно огненный обруч охватывал лоб и затылок. Было и больно, и даже, кажется, стыдно, что я сам уподобился этим бандитам и лишил ребенка отца, а мать – сына. Казалось, что я таким образом сам становлюсь похожим на этого Александра, словно бы в росте уменьшаюсь и толстею. А я очень не хотел быть на него похожим. Но что мне было делать? Становиться агнцем для заклания? Не для того меня мать в муках рожала. И других людей, которых этот коротышка готов был уничтожить, их тоже родители не для того производили на свет и воспитывали. Того же Пашу Волоколамова мать не для их прожорливых стволов рожала. Я вырос на Украине, я ходил когда-то в украинскую школу. Правда, было это еще тогда, когда Украина и Россия составляли одну великую страну. И я не мог плохо к Украине относиться. Это было бы предательством. Таким же предательством, как предательство этих бандитов, предавших Россию. Но, наверное, они и Украину тоже предали. Хотят сделать ее такой, чтобы она всегда поднятым мечом висела над Россией и угрожала ей. Это тешит честолюбие, хотя всерьез такую угрозу Россия рассматривать не может. Моська, лающая на слона, давно известна в политике. Но здесь, в Украине, испокон веков живет много русских. И этими новыми украинскими фашистами и их правителями эти русские рассматриваются как враги, которых они хотели бы уничтожить. Почему? Ради чего? Кому была врагом моя мама? Может быть, той женщине, что пытается сейчас дозвониться своему сыну Александру? За что убили мою маму? За что хотели убить Пашу Волоколамова и его отца? За что его мать убили? За что, в конце концов, хотели убить меня? Ведь не я начал эту череду убийств. Я только не допустил несправедливости.

Убивший Дракона сам становится Драконом, гласит древняя мудрость. Мне очень не хотелось стать Драконом, но, кажется, меня лишали права выбора.

Подступила злость, которую я подавил усилием воли. Злиться в такой ситуации нельзя, иначе легко стать таким же зверем, как вот эти пятеро бандитов, что валяются распростертые в моем доме. Хотя теперь, наверное, уже не скоро я смогу назвать этот дом своим.

Звонки под толстой задницей Александра прекратились. И хорошо. Они нервировали меня, напоминали мне о моей драконьей сущности...

Глава 2

Я вышел на крыльцо. Не показывая своего внутреннего напряжения, даже, наоборот, демонстрируя нечто непонятное, потянулся, раскинув руки и разминая тело. Это потому, что хорошо знал – все соседи сейчас к окнам прильнули. Выстрелы слышали, машину видели, но выйти побоялись. Фашисты всех запугали. И даже участковый старший лейтенант Шихран ни сам не пришел и никого из двух своих сержантов не прислал. Никому не хочется попадать под пулю. Хотя Шихрану теперь большое поле деятельности открылось. Вчера четыре трупа. Сегодня пять. И кто их оставил – тоже практически известно. Когда в следующий раз с Амирханом встретимся, он, похоже, уже майором, а то и подполковником будет. За раскрытие такого количества убийств его могут и в Киев служить перевести. Там сейчас, я слышал, часто убивают, так что хорошие сыскари очень даже нужны. Тем более в Киеве разогнали старую милицию и набирают новую. Слышал я, большей частью из уголовников...

Закончив потягиваться, я двинулся к машине и тут же пожалел, что не взял с собой автомат. В машине на заднем сиденье кто-то сидел. Если бы он был вооружен, он бы уже выстрелил в меня, сообразил я, но на всякий случай оторвал от забора штакетину, держа ее в руке, подступил к машине и распахнул дверцу заднего сиденья. На меня испуганно смотрел местный пьяница дядя Коля, которого я освободил вместе со старшим сержантом Волоколамовым. Видимо, убежать из села дядя Коля не стал, как я предложил всем освобожденным, или на дороге с машинами фашистов встретился. Ему еще раз основательно досталось, если судить по физиономии, и дядя Коля, который, как все люди, вне зависимости от выпитого, не любят, когда их бьют, все рассказал. Кто его и других пленников освободил, кто четверых фашистов ликвидировал. Он, правда, только про одного знал, но связать все в одну картину несложно. Любой догадается, что это звенья одной цепи. И именно потому бандиты так активно врывались в наш дом, сразу готовые к сопротивлению с моей стороны, и намеревались это сопротивление резко пресечь в корне. И могли бы пресечь, если бы не вмешалась моя мама, пожертвовав собой. И дом тоже дядя Коля наверняка показал. И под окном, наверное, он проходил – производил разведку, потому что больше было некому, все бандиты в дом вошли.

– Сдал, значит, всех... – сказал я утверждающе.

Он показал свои руки в наручниках:

– А что мне, Володька, делать оставалось? Скажи...

– Это твоя благодарность за освобождение?

Он не ответил.

– И мою маму из-за тебя застрелили. И у Пашки Волоколамова мать застрелили. А ты, сволочь, живой. Только ненадолго...

– Ну, убей меня... – опустив голову, прошептал дядя Коля.

Я хорошо видел, что пьяница страдает и искренне просит, чтобы я его убил. Он, может быть, был и неплохим мужиком, пока не выпьет.

Но я только презрение к нему показал, без всякой нотки жалости в голосе.

– С похмелья болеешь? Пошел отсюда и подохни с похмелья! Освободи мне машину, она мне нужна.

Он пророчно выскочил и, не увидев у меня в руках огнестрельного оружия, весьма ловко проскочил мимо меня и пустился, прихрамывая, бежать. Я запустил ему в спину штакетину. От бессильной злобы запустил, попал не в спину, а в ногу, но это дядю Колю не остановило. Только хромать он стал заметнее, мчась напрямую на другой конец села. Но не домой. Жил он на противоположном конце. Но в той стороне, куда он направился, находился магазин. Мне даже подумалось на мгновение, что он обернется и покажет мне язык, но дядя Коля не обернулся...

Я присмотрелся к машине, решая, как устроить в ней папу, чтобы отвезти его в Донецк в больницу. «Тойота Ленд Крузер-200» была семиместная. Два задних сиденья я сразу сложил, прижав их к боковым стенкам салона. Там, кстати, позади сидений была натянута сетка для хранения малогабаритных вещей, и я нашел в той сетке малую саперную лопатку. Привычное оружие спецназа. Только у нас принято затачивать такие лопатки до остроты бритвы, а бандиты нашли это необязательным. И вообще, кажется, они посчитали этот шанцевый инструмент только вспомогательным оборудованием на случай, если машина где-то застрянет, хотя, по логике, этот мощный внедорожник и застревать-то права не имеет. Я пошел в сарай, где папой когда-то была оборудована мастерская, и предельно остро отточил лопатку на наждаке. Конечно, тонкая доводка делается не на наждаке, а на тонком бруске с алмазным напылением, но у меня с собой такого бруска не было, а папа же вообще такой не держал, так что пришлось обойтись тем, что было.

Сложить три сиденья среднего ряда у меня никак не получалось, пока не догадался, что они складываются автоматически. Нашел нужную клавишу, нажал на нее, и сиденья не просто сложились, а свернулись, прижались к передним сиденьям и образовали сзади ровный пол. Меня смутили только большие отверстия, в которых они крепились при раскладке, но прикрыть их было легко. Я вытащил из своей комнаты ковер, который помнил с детства. Ковры в то время были в большом дефиците, и мама с папой очень радовались, когда смогли в Харькове купить его в мою комнату. Сейчас он сгодился для хорошего дела. Сложенный вчетверо, как раз укрыл весь пол в багажнике внедорожника. А сверху я водрузил матрас со своей кровати, на который намеревался положить папу вместе с его периной. Так ему, недвижимому, любая, даже самая сложная дорога не покажется излишне жесткой и тряской. Чтобы в машине не было сквозняка, я заклеил пулевые пробоины в корпусе скотчем и наконец приготовился выносить папу из дома. Сила в руках у меня была, и я не сомневался, что смогу его удержать вместе с легкой периной. Да и сам он был не тяжелым. Я уже двинулся в его комнату, когда в кармане у меня зазвонила трубка. Определитель показал номер старшего сержанта Волоколамова.

– Слушаю тебя, старший сержант.

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

– Как дела? Устраиваешься?

– Мы не пробилась туда, товарищ подполковник. Пришлось возвращаться.

– Не понял... – удивился я. – Что там происходит? Тоже «Правый сектор»?

В Донецк в последнее время уезжали многие русские. Порой целыми семьями. Да и украинцы тоже – из тех, кто не желал иметь ничего общего с фашистским режимом. Донецк этот режим признавать отказался, как и Луганск. Сначала вроде бы и Харьков был так же настроен, но в Харьков приехали бандиты из «Правого сектора» и силой подавили все протестные настроения. Естественно, мои подозрения сводились к такому же, как в Харькове, варианту.

– Я с людьми, товарищ подполковник, разговаривал. Народ из города, кому есть куда бежать, разбегается. В Донецк милиция из Киева приехала вместе с отрядами «Правого сектора». Хотели как в Харькове сделать. Но местная милиция на сторону народа встала. Началась стрельба, в результате киевскую милицию выгнали, и они теперь в нашу сторону отступают, вернее, драпают вместе с «правосеками»... По всем дорогам. И в Донецк не прорваться, есть риск на ментов напороться.

– И что?

– Мы тут с папой посоветовались, решили, что нужно вернуться и с вами объединиться. Вместе мы тех пятерых из Пригожего выгоним. Менты драпать будут, скорее всего, через Барвенково. Значит, не мимо нас, а стороной проедут. На Барвенково через Гавриловку двинут. А мы сможем в Пригожем свою власть установить. Как там у вас обстановка?

– Обстановка сложная. Те пятеро, которых вы вчера упустили, с утра ко мне пожаловали. Их твой друг дядя Коля привел, тот тип, что с тобой в подвале сидел. Сдал он меня с потрохами.

Маму мою застрелили. Сейчас все пятеро в доме у меня лежат. Надо выносить и хоронить, а то скоро вонять начнут. А я уже хотел папу в машину загрузить и к тебе в Донецк ехать. Не решил только, как маму хоронить. А дом сжечь хотел, вместе с убитыми. Вы как, свою похоронили?

– Никак нет, товарищ подполковник, в машине с нами. Хотим ее в родную деревню отвезти и рядом с родителями закопать.

Я вспомнил, что мать Паши родом из небольшой недалеко деревни.

– Значит, бандитов в селе нет? – продолжил Волоколамов.

– Нет. Можете приезжать. Подумаем, как дальше жить. Я пока свяжусь с командиром бригады, доложу обстановку. Будет возможность, помогут, думаю, нам с тобой выбраться. – И я отключился.

Только несколько минут назад я думал, что положение мое архисложное. По слухам зная настроение жителей Донецка, я думал туда податься и надеялся, что Паша Волоколамов еще будет там и поможет мне, у меня же там почти никаких связей не было. Несколько старых знакомых, но я даже адресов их не знал.

А теперь, после звонка старшего сержанта, положение стало еще сложнее. Тем не менее я был доволен, хотя сам не понимал конкретно, чем именно. И только слегка поразмыслив и проанализировав сложившееся положение, я понял, что доволен в первую очередь возвращением в село старшего сержанта Волоколамова. Все-таки я воспитан в обществе, среди солдат и других офицеров, и мне сложно было бы быть одиноким среди множества разных людей и при этом не знать и не представлять, что у этих людей на уме и как они относятся к тому, что я делаю. Раньше я предположить не мог, что старый пьяница дядя Коля, который уже был дядей Колей и уже был пьяницей, когда я мальчишкой бегал по этому селу, человек всегда конфликтный, постоянно битый и все равно неукротимый, станет предателем и приведет ко мне домой фашистов. Казалось бы, дядю Колю ничем испугать было невозможно, но они его запугали до того, что он стал предателем. Что касается других жителей села, я многих уже и по имени и по фамилии забыл. Здоровуюсь на улице, смотрю, кто в какой двор заходит, и тогда только вспоминаю, кто это такой. Сами дворы и дома в них я помнил лучше и помнил, кому что принадлежит. Но на лица людей возраст и разные жизненные ситуации наложили свои маски, и в лицо я мало кого узнавал. И уж тем более предположить не мог, кто о чем думает и кто как относится к киевским событиям. А заводить об этом с людьми разговоры – это тоже не лучший способ. Они тебе могут сказать одно, а думать при этом будут совсем другое. Просто потому, что ты пусть и пенсионер, но пенсионер новоиспеченный, тем более пенсионер российский и вчерашний офицер спецназа ГРУ. И не просто офицер, а комбат. То есть один из старших офицеров. Даже мой самый близкий друг детства Васька Волоколамов, отец Паши, не стал со мной встречаться, потому что слышал, как украинское телевидение сообщило, что голосование на референдуме в Крыму проходило под стволами автоматов спецназа ГРУ. Он и на сына за это сердился. Все-таки его сын был и остается старшим сержантом контрактной службы того же самого спецназа ГРУ, то есть профессиональным военным. А другой друг детства, старший по возрасту, отец местного участкового старшего лейтенанта Шихрана – Харис, тот услышал от кого-то, что для усмирения непокорных крымских татар там, в Крыму, использовали тоже спецназ ГРУ, который безжалостно подавил все ростки несогласия. Причем многие татары были убиты, многие бежали в Украину. Таких, говорили мне, по телевидению показывали, и они много ужасов понарасказывали. Телевидению Харис верил. Да и все, наверное, ему верили. Как в России верят российским телеканалам, так в Украине верят украинским. И невозможно при этом доказать, что врут и те и другие. Беззастенчиво врут, натравливая народ на народ. А в действительности что происходит? В действительности только отдельные ублюдки, вооруженные автоматами, создают тяжелое впечатление, да действия тех, кто захватил в Киеве власть, вызывает естественное противодействие. Но цельная картина вырисовывается и с той и с другой стороны неприглядная. По большому счету, я пре-

красно понимал, что все мы по обе стороны государственной границы есть суть только жертвы больших пропагандистских манипуляций. И нет в действительности такой причины, которая должна разъединить народы, жившие многие века вместе. Но здесь уже приложила руку другая пропагандистская машина, и что-то изменить я один просто не в силах.

Я помню, как перед развалом Советского Союза работала эта пропагандистская машина на Прибалтику. Психологический расчет был верный. Давно, со времен Древнего Рима, известен фактор маленького человечка. Чем ниже человек ростом, там сильнее он стремится доказать, что достоин высоких постов и высокого положения. Мелкие люди всегда стремятся к власти, хотят командовать большими и сильными. И власть эта обычно бывает чрезвычайно жестокой. Ленин, Сталин, Гитлер, до них – Наполеон... Список этот можно продолжать до бесконечности. Психологически все объясняется просто. Когда человеку чего-то не хватает, он всеми силами стремится это компенсировать. Все это относится и к мелким народам. Они всегда рвутся доказать свою исключительность. А если им еще и внушают что-то... Пропагандистская машина западного мира обрушила на народы прибалтийских республик столько дифирамбов, что они не выдержали и согласились со своей исключительностью. Их уверяли, что они несравненно культурнее других народов России, организованнее, что они более развиты. Куда только делось это развитие после развала Советского Союза, когда прибалтийские республики стали жить самостоятельно?

Примерно то же самое случилось и с Украиной. Западная пропагандистская машина была запущена еще в начале двадцатого века. Результат появился сначала в Гражданскую войну, потом и в Отечественную. А когда Украина отделилась от России, националисты получили свободу выражения и даже воплощения своих чаяний. На головы украинцев обрушилось столько лжи об их былом величии, что слабые головы не выдержали. И уже естественным образом стал появляться и шириться украинский фашизм. А когда этому фашизму позволили прийти к власти, все и началось. И непонятно, как и когда все это завершится. Самое трудное в моем положении было разобраться, кто оказался подвергнут действию пропаганды, а кто устоял, к кому можно обратиться за помощью.

Я зашел в комнату к папе. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, словно ждал чего-то. Объяснения о причинах стрельбы в доме я ему уже дал, но его, видимо, волновало отсутствие мамы. Сказать правду – значит убить отца. С его смертью, конечно, у меня развяжутся путы на ногах, я буду свободен. Но нужна ли мне свобода, добытая таким образом? Как я буду дальше жить, ежедневно возвращаясь мыслями к смерти папы? Нет, говорить о маме можно будет много позже, когда папа справится с болезнью. Или хотя бы окрепнет. Но объяснить ему сложность ситуации требуется. И насчет мамы необходимо что-то такое сказать, чтобы это выглядело правдоподобно.

– Папа, наша поездка откладывается. Мне сейчас звонил Паша Волоколамов. Они с отцом не смогли прорваться в Донецк. Дороги запружены милицией из Киева. Там такая ситуация... Донецк не признал новую киевскую власть. Из Киева туда милицию направили, чтобы порядок киевский навели. Местная милиция встала на сторону населения, взялась за оружие и киевских прогнала. Киевские менты вместе с бандитами их «Правого сектора» сейчас бегут в нашу сторону. И Волоколамовы возвращаются. Значит, мы тоже не прорвемся. Придется переждать, пока менты отступят дальше и освободят дорогу. Будем надеяться, что к нам они не свернут, сразу в сторону Барвенкова двинут. Там дальше смогут по железной дороге удирать...

Папа усиленно заморгал. Движения век – это единственное, что было ему сейчас послушно. Я понял, что он хочет задать вопрос, и постарался предугадать его.

– Ты хочешь спросить, почему они у нас на поезд сесть не могут?

Он перестал моргать и медленно сомкнул веки. Это было утвердительным ответом.

– У нас же поезда не формируются, а им целые вагоны нужны. Но я думаю, что отдельные группы могут и к нам заглянуть. И потому маму я попросил пока домой не возвращаться. Все

соседи в курсе, что я фашистов убил. И я не знаю, кто что может ментам сообщить. Не надо, чтобы маму считали моей сообщницей, хотя она мне и помогла. А мы же с тобой мужчины. Мы отобьемся. И Волоколамовы скоро приедут. С нами будут.

Папа снова согласно сомкнул веки. Он, даже недвижимый, не потерял мужской характер. И знал, что сын его не бросит.

– Подожди меня. Я пока убитых бандитов в овраг отвезу, туда сброшу. Придется, наверное, два рейса делать. Все сразу в багажнике не поместятся.

Два рейса я решил сделать потому, что не хотел везти рядом бандитов и маму. Папа, желая задать вопрос, снова часто заморгал. И я опять его угадал.

– Я на бандитской машине...

Он согласно сомкнул веки. И снова на щеку скатилась такая же крупная слеза. Папа хотел, наверное, помочь мне и страдал оттого, что стал обузой. Так он видел свое положение. Я же считать его обузой не хотел и не считал. Я помнил его, каким он был раньше. Немного-словным, бережливым на слова, никогда не показывающим своих чувств и эмоций человеком. Мужественным, сильным, справедливым. И таким он навсегда останется в моей памяти. Не разбитым параличом, а прежним, с которым я пошел бы в разведку...

Убитых бандитов я вывез быстро. Наверное, больше времени у меня занял осмотр оружия, которое от них досталось, и пересчет патронов и гранат «ВОГ-25» для подствольных гранатометов. Среди всех автоматов только два были с «подствольниками», и потому гранат тоже было немного.

Боезапас я рассортировал, причем патроны делил на троих, а гранаты только на двоих, поскольку навыки «общения» с подствольным гранатометом имели только я и старший сержант. Когда служил в армии Волоколамов-старший, подствольников в нашей армии еще не знали.

Хоронить бандитов по общепринятым обычаям я не собирался. Не заслужили человеческого к себе отношения. Неподалеку от Пригожего был овраг, в который издавна негласно сбрасывали мусор. Там всегда вертелось множество ворон, воронов и сорок, там же постоянно ковырялись в поисках объедков голодные корсаки². Им тоже кормиться чем-то следует. В те времена, когда я жил в Пригожем, корсаки были редкостью, чаще встречались обыкновенные лисы. Но в последнее время, как мне говорили, корсаков развелось неестественно много. Так много, что они даже в село заходят, чтобы в помойках покопаться. Вот пусть фашистами и кормятся. Это тоже своего рода помойка. Другой участи эти негодяи, на мой взгляд, и не заслужили. Потом я отвез маму на сельское кладбище неподалеку от церкви. Там уже заранее было выкопано с помощью экскаватора несколько будущих могил, осталось только подровнять лопатой. Малая саперная лопатка для такого дела годилась мало. Я сходил в церковный сарай, сбил прикладом автомата замок и взял оттуда две лопаты – штыковую и совковую. Тем не менее на подравнивание могилы у меня ушло больше часа. Похоронил я маму завернутой все в тот же ковер из моей комнаты. Ковер испачкался кровью, но это было не важно. Деревянный гроб обычно тоже обивают красной тканью. Оставить какую-то надпись на могильном холмике было нечем, но и так я не забуду, где похоронил маму, и погибать пока не намереваюсь. Значит, подойдет время, найду могилку и смогу поставить нормальный памятник.

Возвращаясь к дому и только-только повернув с главной дороги на свою улицу, я увидел впереди еще один внедорожник и быстро переложил с переднего пассажирского сиденья себе на колени автомат. Но, подъехав на квартал ближе, понял, что это «Рейндж Ровер», причем, как я уже заметил, с простреленными во многих местах стеклами и кузовом. Значит, уже приехали отец с сыном Волоколамовы, которые сами «премиальный» внедорожник и дырявили

² Корсак – степная лиса.

минувшей ночью. Я прибавил газу из опасения, что они, не предупрежденные, могут сообщить отцу, что мама погибла. Но они, слава богу, стояли на крыльце, дожидаясь меня. Паша человек скромный, его отец вообще всегда был слегка стеснительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.